

WIND BLOWS DOWN THE MOUNT MITHRIDATES.

THE BOSPOROS AND THE BLACK SEA IN ANTIQUITY Studies presented to V.P. Tolstikov on the occasion of his 70th birthday

Dmitry Pozharsky University

Moscow, 2015

УДК 902 ББК 63.4 С11

Подготовлено к печати и издано по решению Учёного совета Университета Дмитрия Пожарского
Редакционная коллегия: Д.В. Журавлев (отв. редактор), О.Л. Габелко

Перевод резюме на английский язык — М.Б. Муратова С11 С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П.Толстикова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 344 с. ISBN 978-5-91244-143-1

В сборнике представлены исследования по истории и археологии Боспорского царства и Причерноморья в эпоху античности. Помимо публикации материалов новейших исследований Пантикапея и других античных памятников региона, в книге рассматриваются вопросы военного дела, фортификации, строительных техник, искусства греко- римского периода. Авторы – ведущие антиковеды России, Украины, Грузии и Германии – посвящают его 70-летию со дня рождения известного отечественного исследователя Владимира Петровича Толстикова.

УДК 902 ББК 63.4 ISBN 978-5-91244-143-1 © Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015

В. Личели

ГРЕКО-АХЕМЕНИДСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЮЖНОЙ ГРУЗИИ (МАТЕРИАЛЫ К СТРАТИГРАФИИ АЦКУРИ) (См. рис. 11–13, 18–19 на вкладке)

На городище Аццури (рис. 1–4), расположенном в Южной Грузии и на протяжении столетий бывшем административным и религиозным центром данного региона¹, в результате археологических раскопок были открыты как культурные слои V в. до н.э. — IV в. н.э., так и захоронения XVI в. до н.э. — I в. н.э., разбросанные по территории городища. Самые ранние комплексы, найденные в Аццури, относятся к концу среднего бронзового века (XVII–XVI вв. до н.э.). Они представлены двумя могильниками с каменной насыпью. В первом из них, в котором были захоронены 62 покойника, были найдены бронзовые, глиняные, каменные, золотые предметы, а также изделия из обсидиана и кремня². Каменные насыпи были расчищены по всей площади раскопа. Какой-либо закономерности в расположении насыпей не наблюдается. В основном они состоят из кусков камня одинаковых размеров, 25–30 см ширины с каждой стороны, самая нижняя отметка с нулевой точки находится на глубине 1,2 м. Каменная насыпь повреждена посередине, гораздо более интенсивно представлена ее южная часть. После расчистки обозначилась кругообразная конфигурация насыпи (брони), ее диаметр — 3,8 м. После полного снятия насыпи были расчищены смешанные между собой части человеческих скелетов. Из-за того, что центральная часть насыпи была сильно повреждена, удалось изучить только те скелеты, которые были сконцентрированы вдоль южной и западной стен погребальной ямы. В массе костей встречаются фрагменты керамики (черноглиняные кружки, части горшков) и ме- 1 Licheli 1999b, 29–34. 2 Licheli 2004, 218–225; Licheli, Rusishvili 2008, 234–246. Рис. 1-4. Карта Грузии, спутниковое изображение и топо съемка с указанием городища Аццури 255 таллический инвентарь (бронзовые застезки различных типов, кинжалы). Костная масса рассыпана на довольно большой площади — на 289 см (в направлении север–юг) × 253 см (в направлении запад–восток). Расположение этой массы с нулевой точки таково: южная часть на глубине 162 см, северная — на 153 см, а центральная — на 165 см. На этом же уровне появляются сломанные бронзовые кинжалы и части застезек с дискообразным навершием. После очистки южной части от костей на глубине 2,09 метра от нулевой точки рядом с чашей с отбитым ушком и вместе с застезкой с дискообразным навершием был найден золотой орнаментированный диск диаметром 4,5 см, украшенный концентрическими кругами. Его край загнут, а на обороте заметен след тонкой бронзовой пластинки. Очевидно, что золотой пластинкой была обита бронзовая. На диске видны две дырочки, по-видимому, для прикрепления к одежде. Здесь же, в 20 см к западу от пластинки, лежала застезка со сферической головкой, а к северу от нее на расстоянии 0,5 м находился кинжал с рукояткой. В восточной части рва был расчищен кинжал, лежащий поверх бронзового браслета. На грани (A1–B1) квадратов на уровне 1,93 м от нулевой точки проявились застезка с дискообразной головкой, гривна, под которой видны малых размеров сердоликовые бусы, перемешанные с орнаментированными бусами из тонких золотых пластинок, имеющих форму трубочек. Интересно, что здесь же появляются фрагменты бронзовых дисков, художественный облик которых аналогичен золотым экземплярам — концентрические круги (кольца), а посередине — омфал. Рядом с овальным диском на расстоянии 0,6 м были расчищены еще два почти полностью расщепленных бронзовых диска опять-таки с концентрическими кругами (все диски диаметром 4,5 см). Такими же кругами украшен найденный в СЗ углу того же квадрата еще один золотой диск, окруженный несколькими

бусами (он находился под пятью пирамидоголовыми и одной дискоголовой застежкой). Следовательно, если данные предметы находятся в положении *in situ*, надо полагать, что они были сосредоточены в области груди и шеи погребенного. В положении *in situ* были раскопаны (кв. А1, передняя часть камеры) 17 наконечников стрел с выемчатым основанием (16 из обсидиана, 1 — кремневый), которые были собраны вместе. При интердисциплинарном анализе золотых дисков и бус выявилась довольно интересная картина: химический состав диска с парадной (лицевой) и с обратной сторон неоднороден. Парадная сторона характеризуется сравнительно большим содержанием золота: Au 84–93%; Ag 5–8%; Cu до 1%. С обратной стороны — Au 76–84%; Ag 9–21%; Cu до 2%. Химический состав лицевой и обратной сторон диска может быть результатом естественного обогащения, что вызвано окислением на диске серебра и меди (несколько микрон в толщину). Утверждать подобное, на наш взгляд, можно будет лишь тогда, когда мы будем располагать достаточным материалом с других подобных отличных ювелирных украшений из погребений разных периодов и регионов. Между прочим, такие диски, которые О. Мускарелла называет медальонами (*roundels*) и датирует XIV в. до н.э., известны с территории Элама. Ученый считает, что они изготовлены именно на этой территории, хотя существует и другая версия, согласно которой медальоны берут начало Рис. 5. Погребение № 1 с каменной насыпью. План и разрез 256 с территорий к югу от Каспийского моря³. Однако если мы учтем, что ранние и имеющие сравнительно простое художественное оформление типы декорированных роунделов-медальонов (которые на два столетия опережают эламские) найдены в Аццури, то станет возможным предположить, что их производство начинается на Кавказе, в том числе, на территории сегодняшней Грузии. Тем более, что по результатам химического анализа, местное происхождение найденных в Аццури медальонов (рис. 10) не вызывает сомнений. Изготовлением подобных изделий на территории Восточного / Юго-Восточного Кавказа можно объяснить факт использования битума в эламских изделиях. Это обстоятельство должно указывать на регион, насыщенный нефтью, хотя, с другой стороны, необходимо иметь в виду тот факт, что на территории Колхиды (где нефть добывается в незначительных количествах), была обнаружена колхидская амфора, датируемая III–II вв. до н.э., в которой хранился битум. В Колхиде битум использован также в конструкции черепичного покрытия (городище Саканчия)⁴. В этом же регионе обнаружена амфора, предназначенная для транспортировки нефти. Найденные в Аццурском погребении с каменной насыпью № 1 бусы представляют собой полые цилиндры, составленные из тонких золотых пластинок. Они состоят из кадкообразных и выгнутых концентрических колец. Кадкообразные формы в двух противоположных сторонах имеют по четыре пар дыр, а выгнутые концентрические кольца имеют насечки. Начало и конец каждой бусинки закрыты загнутой по краям «шапочкой» из золотой пластинки. Бусы изготовлены из тонких золотых пластинок путем выковки и округления. В результате припайки краев пластинок остался рубец. Диаметр бус в среднем составляет 5,3 мм, длина — 21,4 мм, золотой пластинки — 0,07 мм; состав бус: золото 88–94%; серебро 4–8%; медь до 1,4%. Химический состав бус практически полностью отвечает химическому составу золотых самородков, добываемых на территории Грузии. Возможно, они изготовлялись в результате небольшой переработки самородков⁵. Другое (№ 2) захоронение в Аццури того же периода и того же типа было открыто на левом берегу реки Куры. Изучение найденного здесь погребения (всего в нем было похоронено три мужчины в скрюченном положении, все на правом боку) дало совершенно уникальный керамический материал, одна часть которого не имеет аналога на территории Кавказа. Предполагаю, что данный материал является остатком до сих пор неизвестной микрокультуры, относящейся к XVII–XVI вв. до н.э. Кроме керамических изделий также были найдены: фрагменты витого бронзового браслета; дидама, представляющая собой

квадраты из золотых пластинок с вычеканенным на ней декором. Особенного внимания заслуживает кратер (рис. 11), т. к. он не имеет аналога в археологии Кавказа. 3 Muskarella 1988, 226, с интересным примечанием: "Every scholar who has discussed roundels has claimed that they derived from northwestern Iran, in particular from the Caspian shore region". 4 Личели 1991, 34. 5 Licheli, Poporadze 2008, 152–159. Рис. 6-7. Инвентарь погребения № 1 с каменной насыпью. Керамика 257 Рис. 8–10. Инвентарь погребения № 1 с каменной насыпью. Металлические предметы, бусы и золотые изделия

Кроме того, что он имеет особую форму и является сосудом на плоском днище, с равномерно расширяющимся кверху прямыми стенками, отличается и художественное оформление его поверхности: с фризом ромбов, выведенных пересекающимися линиями, сочетается вертикальная колонка, украшенная такими же пересекающимися ромбами. Вертикально поставленные четырехугольные в сечении ручки гармонично завершают линию фигурного профиля и в верхней части имеют выступ с таким же сечением. Особенно интересно, что, согласно петрографическому анализу, керамические изделия выполнены из материала, взятого с местных глиняных месторождений. Из материалов последующего периода заслуживает внимания погребение № 89-1, которое было расчищено в раскопе № 2 под селом поселения эллинистической эпохи (в котором и был обнаружен керамический фрагмент сосуда ахеменидского типа, украшенный орнаментом из сети квадратов). В погребении были обнаружены: останки скелета, лежащего на правом боку в эмбриональной позе, у изголовья которого (непосредственно у затылка) стоял черноглиняный сосуд. В области груди был обнаружен фрагмент сильно коррозированного ножа. Позади спины скелета покойного, на расстоянии 1,5 м, на восточной стороне, была захоронена лошадь; на ней оказались только удила из кости. Удила, представляющие собой расширенную и утолщенную посередине пластинку, имеют три проема. В среднем проеме, который несколько шире двух других, сохранился фрагмент железного кольца. Таких трехдырчатых костяных удил в Грузии немного (Тлийский могильник, Трелигореби). Однако известно, что изготовленные из кости удила являются более характерными для той территории, на которой прослеживаются скифские элементы. Именно в этом контексте обнаружены они в III слое Хасанлу, в Капаланту, Чавуштепе и в Нуш-и-Джанеб. Характерны они, в основном, для VII в. до н.э., хотя между удилами Ацкури и «скифскими» удилами есть определенная разница как с точки зрения формы, так и убранства. Ацкурские удила простые, незатейливые, а «скифские» украшены как выгравированными, так и рельефными орнаментами⁷. С материалами местного производства, датируемыми VII–VI вв. до н.э., проявляет близость глиняный сосуд указанного захоронения. Это горшок с широким венчиком и горлышком, на плечах которого выделяются массивные бугорки. Это довольно редкая форма, не имеющая точных параллелей. Более-менее сходная тенденция (но не полная аналогия) в формах посуды видна в захоронениях Грмахевистави, датированных той же эпохой. В частности, в погребении № 13 Грмахевистави (VII — начало VI в. до н.э.) найден сосуд примерно тех же 6 Иванчик 2001, 67, табл. XXVII. 7 Что касается трехдырчатых удил, хранящихся в Метрополитен-музее, то они с точки зрения региональной принадлежности интерпретированы по-разному: в Хасанлу обнаружено 15 бронзовых и железных аналогичных удил, параллелями которых названы экземпляры из Сиалка, Гиани, Богазкея, а также кавказские экземпляры. Тут же отмечено, что такие удила известны по ассирийскому рельефу VIII–VII вв. до н.э. (хотя они продолжают существовать и в ахеменидскую эпоху: Muskarella 1988, 93). Однако в III слое Хасанлу открыты и трехдырчатые удила звериного стиля, датированные VII в. до н.э. (Muskarella 1988, 93). Думаю, что в данной работе нецелесообразно касаться вопросов дискуссии о датировке слоев Хасанлу. 258 пропорций, хотя он имеет отличный от вышеуказанного орнамент; в погребении № 38 был найден горшок той же формы, но с другим орнаментальным оформлением (VIII–VII вв. до

н.э.); у обнаруженного в погребении № 136 сосуда также отличаются орнамент и ручки, хотя он имеет те же пропорции. Таким образом, очевидно, что на территории городища пока еще не обнаружены остатки эпохи поздней бронзы — раннего железного века, т. е. следующего за периодом средней бронзы: в хронологии Аццури эпохой, следующей за периодом средней бронзы, является VII в. до н.э., и он представлен погребальными комплексами. На территории городища особую интенсивность жизнь приобретает в VI–IV вв. до н.э. Сложно определить, какими причинами это обусловлено, хотя известно, что на этот же период приходится расцвет Колхидского царства⁸. В это время особую интенсивность приобретают связи с греческим миром, что совершенно логично на фоне активизации процессов колонизации, но в различных регионах Колхиды эта тенденция проявляется по-разному (подробно см. ниже). С другой стороны, в этот же период в масштабах всего Кавказа имеет место еще одно политическое явление — на историческую арену выступает Ахеменидский Иран, который полностью меняет политическую карту Закавказья и Ближнего Востока. К данному хронологическому отрезку относится дом № 5 городища Аццури (рис. 14–15), который датируется V–IV вв. до н.э.⁹ Совершенно очевидно, что до середины IV в. до н.э. территория городища снова была занята постройками. Подтверждением тому служит выявленный в раскопе № 6 фундамент, на котором сверху было устроено погребение, относящееся к концу IV в. до н.э. (№ 2004-3); им была срезана часть фундамента. Сам фундамент, раскопки которого пока еще не завершились, представляет собой кладку из специально отобранных, почти одинакового размера базальтовых глыб. Это чрезвычайно интересная конструкция, высота которой обусловлена парно выстроенными камнями из девяти рядов. Между этими парными камнями заметно заполненное землей пространство (ширина 10–15 см), в одном отрезке которого (приблизительно метр в длину) сохранились остатки сырцового кирпича. Наличие кладки из сырцового кирпича на памятниках V–IV вв. до н.э., выявленных на территории Восточной и Южной Грузии, должно быть связано с определенными историческими процессами. В частности, как отмечалось выше, с конца VI в. до н.э. предполагается формирование политических интересов Ахеменидского Ирана к территории Закавказья. В V–IV вв. до н.э. Ахемениды уже твердо обосновываются в Закавказье. Наиболее ярким подтверждением данного факта являются те иранские дворцы (резиденции), которые обнаружены как в Грузии (Гумбати, Сабатло), так и в Азербайджане (Сары-тепе, Караджамирли) и Армении (Бениамин, Эрбуни)¹⁰. Как мне представляется, с этим явлением и связано использование в строительном деле сырцового кирпича. В частности, из данного материала построены ахеменидские резиденции Сары-тепе, Караджамирли, Гумбати и Сабатло. Судя по остаткам, открытым в последнее время, аналогичная техника строительства, видимо, использована при возведении на Граклиани Гора построек, датируемых второй половиной V в. до н.э. (слой VII A)¹¹, где проступают наиболее очевидные факты взаимосвязей с ахеменидским миром. Естественно возникает вопрос: было ли определено использование сырцового кирпича социальным статусом сооружения? Если учесть существующую археологическую реальность, то подобное допущение выглядит логичным. И в Аццури, и на Граклиани Гора в середине и во второй половине V в. до н.э., видимо, выделялся высший социальный слой общества, владеющий, надо полагать, административными браздами правления. В противном случае возведение столь специфических (в данной ситуации) и сравнительно дорогостоящих строений выглядит неоправданным. Основу для подобных предположений дает допущение о возможности приглашения для возведения подобных сооружений специалистов и ремесленников из Фригии или Персии¹². Подобная возможность кажется совершенно логичной еще и потому, что Аццури, согласно письменным источникам, был религиозным, экономическим и административным центром региона, и этот статус он должен был иметь уже со второй половины V в. до н.э. При этом

несмотря на влияние Ирана — также как и в случае Граклиани Гора — в Ацкури твердо сохранены местные традиции, что хорошо прослеживается в планировке интерьера Дома № 513. 8 Lordkipanidze 2001, 1–38; Licheli 2007b, 109–115. 9 Личели 2000, 139–142. 10 Knauss 2001, 125–145; Narimanishvili 2009, 94–126; Licheli 2011, 135–156. 11 Licheli 2014, 20. 12 Knauss 2006, 125–145. 13 Licheli 2000, 67–71. 259 Рис. 14–15. Дом № 5 городища Ацкури. План и разрез Среди керамических изделий этого же периода необходимо отметить факт обнаружения в захоронениях Ацкури колхидской керамики. В первую очередь, наряду с колхидскими кубками (рис. 16), обращает на себя внимание сравнительно большое количество глиняных кувшинов с трубчатыми ручками — они, как известно, в основном найдены в Колхиде, почти на всех памятниках, относящихся к VII–IV вв. до н.э.: крепость Батуми, Пичвнари, Кохи, Симагре, Очамчира, Эргети, Мтисдзири, Даблагоми, Кутаиси, Кулеви, Брили и др.¹⁴ Однако нельзя не отметить, что керамика этого типа впервые проявляет себя в Западном Иране¹⁵ — и на сей раз я присоединяюсь к признанию по возможности, т. к. глиняные кувшины с трубчатыми ручками в последнее время опять были обнаружены в Западном Иране, в Калайчи¹⁶ (хотя намного раньше появления колхидской керамики, еще в VIII–VII вв. до н.э., колхидская культура четко представлена на территории Самцхе, могильник Мзетамзе). Тут же отмечу, что несколько предметов, обнаруженных на могильнике Мзетамзе, связаны с иранским миром: например, бронзовый кинжал, который находит наиболее близкие аналогии с материалом ново-вавилонского этапа в группе № 31–35, выделенной Кальмайером¹⁷. В первой публикации, посвященной упомянутому кинжалу, я указал именно на эту дату — VII–VI вв. до н.э.¹⁸ С уверенностью можно сказать, что данный кинжал изготовлен в Луристане, что очевидно и по его химическому составу — здесь использовано намного больше олова (17,4%), нежели в любом синхронном изделии, обнаруженном на территории Грузии (ср. наконечник копья из Нацаргори — олово 8,62%; кинжал из Нацаргори — олово 10,2%). На могильнике Мзетамзе также подтвержден факт погребения покойника с ножными браслетами, что имеет параллели не только с захоронениями Тлиа и Нацаргори (Восточная Грузия)¹⁹, но и находит прямые и синхронные параллели с погребением № 37 в Гульджанан (Луристан) где у покойника, погребенного в эмбриональной позе, на ногах также были подобные браслеты²⁰. По археологическому материалу и письменным источникам становится очевидным, что пограничный с Ацкури/Самцхе регион, Колхида (в рамках ее современных географических границ), в середине первого тысячелетия до н.э. в культурном отношении делится на две части²¹: прибрежная полоса ориентирована на Запад, т. е. на греческие центры, а внутренние районы — на Восток, т. е. на Иран. Своеобразной разделительной чертой с этой точки зрения, видимо, была линия Саирхе-Вани, т. к. находящийся к западу от Вани колхидский памятник Намарну, где подтверждается существование культурных слоев V–IV вв. до н.э., не содержит никакого ахеменидского материала²². 14 Lordkipanidze, Gigolashvili, Kacharava, Licheli 1981, 34–36. 15 См. такое предположение: Lordkipanidze 1971, 21, прим 71. 16 Ср.: Mollazadeh, 2008, 208–221. 17 См. Moorey 1971, 113–129. 18 Georgien 2001, 363. 19 Georgien 2001, 264. 20 Haerincq, Overlaet 1999, 35. 21 Ср. Lordkipanidze 2002, 206–209. 22 Папуашвили Р., Папуашвили Н. 2006, 46–47. 260 Считается, что Намарну был тем «варварским родом, откуда была Медея» и который упоминается в «Перипле» Псевдо-Скилака²³. «Ахеменидская» линия Саирхе-Вани на юге Самцхе продолжалась в Ацкури, где явно проступает ахеменидское влияние (хотя чуть позднего периода). С данной точки зрения важно то, что именно на соединяющей Вани-Ацкури коммуникативной трассе, которая представляла собой один из основных путей перевозки аккумулярованного в Колхиде греческого импорта в Южную Грузию²⁴, были обнаружены ахеменидские монеты²⁵. Монеты были найдены на территории села Сулори, которое является начальным пунктом перевала из Колхиды в Южную Грузию. В клад

входило до 700 серебряных монет, большую часть которых составляли «Колхидки». Вместе с ними были найдены также т. н. крезюиды (с изображением львиных и бычьих голов), очевидно, отчеканенные Дарием I в 500 г. до н.э. Также был обнаружен сикль (с изображением царя с короной и с копьем), который тоже относят к чекану Дария I в 490 г. до н.э.²⁶ Из Ацкури линия, указывающая на вышеупомянутое ахеменидское «влияние», должна была направиться на юго-запад, в сторону верхнего течения реки Чорохи. В таком случае этим можно объяснить то, что проживающие в этом регионе колхи упоминались как население Империи. Предположительно связь с Ахеменидской империей была лимитирована внутренними районами Колхиды, и если Колхида действительно была частью сатрапии Армения Ахеменидской державы, то это номинальное подчинение касалось лишь восточной части Колхиды²⁷. Соответственно, легко объяснимо мнение насчет того, что греки в Черном море не встречали сопротивления со стороны Ахеменидов — пограничный конфликт интересов в V–IV вв. до н.э. не существовал, особенно это касается 436/5 гг. до н.э., периода активности Перикла в Причерноморье²⁸. Относительно импортной керамики, открытой на территории Ацкури, можно сказать, что здесь преобладают фрагменты греческой чернолаковой керамики, относящейся к VI–II вв. до н.э.²⁹ В этой керамике примечательно обнаружение обломков ионической чаши с полосками (вторая половина VI в. до н.э.) и аттического килика (80-е гг. V в. до н.э.)³⁰. Выделяют еще несколько групп: скифос группы Lancut (480–470 гг. до н.э.) и лекифы (500–450 гг. до н.э.)³¹. Обнаружение греческой керамики в подобном географическом ареале требует объяснения, ибо горной системой Месхетского хребта Ацкури резко отграничен от такой важной коммуникативной зоны, каким является Черное море. Ясно, что основным (если не единственным) путем попадания архаической и классической греческой керамики на территорию Самцхе³² должен был быть маршрут от одного из важнейших дистрибутивных центров Колхиды — Вани, откуда еще в VII–VI вв. до н.э. через перевал Зека-23 Ср. Григолия 1973, 50–58. 24 Licheli 1999c, 101–107. 25 Lordkipanidze 2002, 207. 26 Lordkipanidze 2002, 207. 27 Braund 1994, 122 ff. 28 Детально см. Braund 1994, 122 ff. 29 Licheli 1997, 78–80; Licheli 1999a, 113–115; Licheli 1999b; Licheli 1999c, 101–107. 30 Licheli 1999, 101–107. 31 Demetradze 2009, 25–31. 32 Историческим наименованием этой провинции является «Самцхе», что в переводе означает место жительства древних картвельских племен — «месхов»; ср. Licheli 1999b, 29–34. Рис. 16. Колхидская керамика Ацкури 261 рп проходила дорога в Южную Грузию. Этот факт подтвержден как письменными источниками, так и археологическим материалом³³. На этом фоне чрезвычайно интересной выглядит концентрация в этих же слоях ахеменидских и выполненных в подражание им керамических изделий. Среди довольно многочисленных фрагментов непосредственно в Ахеменидском Иране изготовлено, наверное, несколько единиц сосудов, представленных светлоглиняными обломками, украшенными геометрическими орнаментами красной краской³⁴. В последние годы на территории центрального Закавказья, на Граклиани Гора (Восточная Грузия) в большом количестве найдена керамика ахеменидского типа, т. н. “Western Triangle Ware”³⁵. Ахеменидская керамика Ацкури, разумеется, рассматривается в том ахеменидском контексте, который известен здесь по металлическим перстням-печатам³⁶. В то же время, нельзя с особым вниманием не отнестись к тем украшениям и инсигниям, которые носят явно ахеменидский характер и связаны с несколько непривычным ритуалом захоронения. С этой точки зрения следует отметить факт обнаружения в погребениях Ацкури целого скелета быка (а не его частей, как это обычно бывает!), а также большое количество открытых в тех же захоронениях агатовых амулетов, гравированных бронзовых перстней и браслетов с иранизированными изображениями (рис. 18–19). Достаточно перечислить такие предметы, как двухпротомное изображение коней на пластинке округлой формы, расположенной посередине браслета (что само по себе редкость); вычеканенные на

перстнях изображения, где солнце и всадник изображены вместе (в одном случае также изображена луна)³⁷; стилизованное изображение Ахура-Мазды, высеченное на агатовом цилиндре (рис. 19); бронзовая скульптура всадника, которая в целом попадает в единую иконографическую серию изображений всадников, характерную для V–III вв. до н.э., и функционально должна быть аналогичной скульптурам и изображениям, найденным в разных уголках Грузии (Брили, Казбеги, Ахалгори, Цихия-Гори, Вани): большая часть их связана с культом Митры³⁸. Что касается идентификации данной фигуры, отмечу, что, как указывается в специальной литературе, в случае подобной ограниченности иконографических черт процесс идентификации осложняется. В подобных ситуациях естественным образом возникает вопрос: как определить, кто изображен здесь — простой смертный либо бессмертное существо, человек или божество? Дело в том, что фигуры очень часто не содержат таких атрибутов, которые несли бы иконографическую нагрузку. Именно это обстоятельство и составляет наибольшую сложность. Возможно, часть фигур являются изображениями богов или богинь, а часть могут быть изображениями царей, магов или представителей знати³⁹. В этом направлении требуется проведение дополнительного исследования, т. к. с середины I тыс. до н.э. фигуры всадников в большом количестве изготавливались как на Западе, так и на Востоке.

Идентификация изображения осложняется и тем, что в эпоху эллинизма, к кото-
33 Licheli 1997, 78–80.
34 Ср. Summers 1993, 85–108; Dyson 1999, 101–110. 35 Licheli 2011, 135–156; Licheli 2009, 66–69; Licheli 2010, 135–156; Licheli, Samsonia 2010, 182–184; Licheli 2011, 74–78; Licheli 2014, 15–16. 36 Licheli 2000, 139–142. 37 Licheli 2000, 139–142. 38 Khazaradze 2012, 13–19. 39 Moorey 1984, 78. Рис. 17. Греческая керамика Аццури 262 рой относится скульптура всадника из Аццури, возникли новые культурные центры (Пергам, Александрия, позднее — Делос), в которых заметно стремление к тенденции реалистического изображения (а всадник из Аццури весьма реалистичен). Другая специфика этого периода состоит в том, что скульптуры, выполненные из различных материалов, в том числе из бронзы, превратились в «престижную» потребность элиты, что вызывало их обилие и содержательное разнообразие. Например, в эллинистическом искусстве Александр и Буцефал превратились в символ мужественности и власти; создание римлянами целой серии изображений всадников легло в основу традиции подобного изображения великих императоров и военачальников. В данном конкретном случае же, на мой взгляд, мы имеем дело с изваянием божества (Митры), наверное, изготовленного здесь же, на территории Грузии. Нужно учесть также то, что некоторые раннеиранские божества осмысливались именно как всадники⁴⁰. С конца IV в. до н.э. на территории городища вновь появляется могильник, который продолжает свое существование и в III–II вв. до н.э. Однако во II в. до н.э. эту территорию вновь занимают постройки: открыты остатки их фундаментов. Во всяком случае, восточная часть раскопа № 4 полностью занята строением II в. до н.э., которое надежно датируется фрагментами греческого чернолакового блюда, обнаруженного на его полу. Это фрагмент блюда малоазийского производства, серо-розовоглиняный, с лаком низкого качества; на внутренней поверхности его обведен орнамент с насечками. Керамика данного типа в большом количестве находит параллели во всем эллинистическом мире и хорошо датируется II в. до н.э.⁴¹ Внимание заслуживает то, что в Аццури, кроме греческой посуды, обнаружены изготовленные в Колхиде фрагменты амфор⁴². Очень сложно разобраться в материалах I в. до н.э. — I в. н.э., т. к. они представлены всего двумя комплексами. Один из них — погребение № 95-5, которое по обнаруженной монете понтийского царя Племона II (49–63 г. н.э.) в виде «обола Харона» датируется I в. н.э. (рис. 20). Вторым комплексом этого периода являются остатки гладкой стены, которая, возможно, относится к той же эпохе. Хотя, на мой взгляд, уточнение даты стены не внесет корректив в общую тенденцию, и I в. н.э. на этой территории в основном опять будет представлен

погребениями. Что происходит в последующий период пока что неизвестно. Можно отметить одно — постепенно население Ацкури, которое с VII в. до н.э. в основном было сконцентрировано на левом берегу реки Куры (Мтквари), переселяется на правый берег, т. е. занимает территорию вокруг крепости. Это происходит начиная с середины I в. до н.э., когда на территории городища заметны следы разрушения. Не исключено, что данное разрушение связано с походом в Иберию Помпея. Остается впечатление, что с указанной поры возросла опасность нападений на город, и население было вынуждено перебраться на гораздо более надежное место — вокруг крепости, а для могильника использовать склон, находящийся на юго-востоке от крепости, где впоследствии (в средние века) была устроена замечательная гробница. Что касается даты постройки самой крепости, это, разумеется, может быть выяснено только после археологических раскопок, хотя по письменным источникам (Hanfmann 1961, 252. Вместе с тем, возобновленные из старых центров импульсы эвекстрианизма имели определенное влияние на религиозную сферу — например, Митра является всадником *par excellence*. Трансформация всадников-героев и божеств в христианских всадников-божеств произошла лишь позднее (например, изображение св. Георгия. Ср. Hanfmann 1961, 255. 41 Личели 1991, 29–34. 42 Licheli 2010. Рис. 20. 1. Погребение IV в. до н.э. 2. Погребение середины I в. н.э. с «оболом Харона» (монета понтийского царя Полемона II) 1 2 263 точникам, в I в. н.э. она уже должна была стоять там⁴³. Обращает на себя внимание тот факт, что в центральной части крепости, в обрушенном ряду южной стены цитадели, ясно проступают более ранние ряды, представленные обтесанными квадратами песчаника, а это в Грузии связано только с греко-римскими строительными традициями.

Литература:

Григолия Г. 1973: Локализация великого города варваров // Дзеглис мегобари. № 33, 50–58 (на груз. яз).

Иванчик А.И. 2001: Киммерийцы и скифы. Степные народы Евразии. Т. II. М.

Личели В. 1991: Древнее Вани, хозяйственный район. Тбилиси (на груз. яз.).

Папуашвили Р., Папуашвили Н. 2006: Намарну // Гурия. IV, 46–47 (на груз. яз). Braund D. 1994:

Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C. — 562 A.D. Achaemenids and Seleucids in Georgia. Oxford.

Dyson R.H. 1999: The Achaemenid Painted Pottery of Hasanlu IIIA // *Anatolian Studies*. Vol. 49. *Anatolian Iron Ages, 4, Proceedings of the Fourth Anatolian Iron Ages Colloquium Held at Mersin, 19–23 May, 1997.* Ankara.

Demetradze I. 2009: Greek Pottery Wares from Atsquri // *Iberia–Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period.* Vol. 5, 25–31. Georgien 2001: *Georgien Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies.* Bochum.

Haerinck E., Overlaet B. 1999: Djub-i Gauhar and Gul Khanan Murdah Iron age III graveyards in the Aivan plain : Belgian archaeological mission in Iran, the excavations in Luristan, Pusht-i Kuh (1965– 1979).

Luristan Excavation Documents. Vol. III. Acta Iranica Troisième série Textes et memoires. 22. Leuven; Liege.
Hanfmann G.M.A. 1961: A Near Eastern Horseman // Syria. 38, 3/4, 243–255.

Khazaradze N. 2012: The Impression of a Rider Tsikhiagora // Problems of the History and Archaeology of Georgia and Caucasus (volume dedicated to the 80 years anniversary of K. Phitskhelauri). Tbilisi, 13–19.

Knauss F. 2001: Persian Rule in the North Achaemenid Palace on the Periphery of the Empire // The Royal Palace Institution in the First Millennium B.C. / I. Nielsen (ed.). Monographs of the Danish Institute at Athens. Athens, 125–145.

Knauss F. 2006: Ancient Persia and the Caucasus // Iranica Antiqua. XLI, 125–145.

Licheli V. 1997: Black-Glazed Pottery in Transcaucasia. Its Diffusion Rout // Proceedings of the First International Conference on the Archaeology and History of the Black Sea. Amsterdam, 78–80.

Licheli V. 1999a: Une ville des VIIe –Ier, siecles // Religions du Pont. Actes du VIIIe Symposium de Vani–1999. P., 113–115
Licheli V. 1999b: St. Andrew in Samtskhe. Archaeological proof // Early Christianity in Caucasus. L., 29–34.

Licheli V. 1999c: The Black Sea–Vani–Samtskhe: The Spreading Route of Black-Glazed Pottery // La Mer Noire — zone de contacts. Actes du VIIe Symposium de Vani–1994. P., 101–107.

Licheli V. 2000: Achaimenidische Fundorte in Samcche (Südgeorgien) // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Band 32. B., 139–142.

Licheli V. 2004: A Burial with a Stone Embankment at Atskuri // Journal of Georgian Archaeology. Vol. I. Tbilisi, 218–225.

Licheli V. 2007a: Caucasian Iberia in the Post-Achaemenid Period // The Royal Palace Institution in the First Millennium B.C. / I. Nielsen (ed.). Monographs of the Danish Institute at Athens. Athens, 52–56.

Licheli V. 2007b: New Discoveries in Colchis, an Interpretative Version // The Argonautica and World Culture. Phasis: Greek and Roman Studies. 10 / R. Gordeziani (ed.). Tbilisi, 109–115.

Licheli V. 2009: Cultural Relations in Central Transcaucasia // 2nd International Symposium of Georgian Culture, Florence, Italy. 43 Cp. Licheli 1999b, 29–34.

Licheli V. 2010: Hellenistic Amphorae in Caucasian Iberia: Attributes of Trade Route // Varia Anatolica XXI. Patavii. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.).

Licheli V., Poporadze N. 2008: Golden Items From Atskuri grave N 1 // Caucasian — Near Eastern Journal, 13, Tbilisi, 152–159.

Licheli V., Rusishvili R. 2008: A Middle Bronze Age Burial at Atskuri // Ancient Near Eastern Studies. Suppl. 19. Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia. Leuven; Paris; Dudley (Ma.).

Licheli V., Samsonia N. 2010: Mesopotamian Seals from Grakliani Settlement // Coll. Caucasus. Archeology, Ethnology, Folklore. Materials of International Conference. Tbilisi, 182–184.

Licheli V. 2010: Grakliani Hill // *Academia*. 1, Tbilisi. Licheli V. 2011: Urban Development in Central Transcaucasia in Anatolian Context: New Data // *AncCiv*. 17, 135–156.

Licheli V. 2014: *Grakliani Culture*, Tbilisi.

Lordkipanidze O. 1971: *Settlement of Vani* // *Vani*. I, Tbilisi.

Lordkipanidze O. 2001: The Golden Fleece: Myth, Euhemeristic Explanation and Archaeology // *Oxford Journal of Archaeology*. 20, 1–38.

Lordkipanidze O. 2002: *At the Dawn of the Ancient Georgian Civilization*. Tbilisi.

Lordkipanidze O., Gigolashvili E., Kacharava D., Licheli V. 1981: Pottery of Colchis of VI–IV cent. BC // *Vani*. 5, 34–36.

Mollazadeh K. 2008: The Pottery from the Mannean Site of Qalaichi, Bukan (NW Iran) // *IA*. XLIII, 208–221.

Moorey P.R.S. 1971: Towards a chronology for the Luristan bronzes // *Iran*. 9, 113–129.

Moorey P.R.S. 1984: Problems in the Study of the Anthropomorphic Metal Statuary from Syro-Palestine before 330 BC. // *Lewant*. XVI, 67–90.

Muskarella O.W. 1988: *Bronze and Iron. Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Art*. N. Y.

Narimanishvili G. 2009: Daraqoi Settlement and Some Patterns of History of Achaemenid Epoch Transcaucasia // *Iberia — Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period*. Vol. 5. 94–126.

Summers G.D. 1993: Archaeological Evidence for the Achaemenid Period in Eastern Turkey // *Anatolian Studies*. 43, 85–108.

Abstract.

GREACO-ACHAEMENID TRENDS IN SOUTHERN GEORGIA (REGARDING THE STRATIGRAPHY OF ATSKURI) V.
Licheli

The article presents new archaeological finds from the site of Atskuri in Southern Georgia, which throughout the centuries served as administrative and religious center of the region. All major stratigraphic horizons of the site — from the Bronze Age through the Roman period, are analyzed. Objects of Greek and Achaemenid appearance — typical for the strata dating from the Greek periods — help to examine the ways in which these objects were brought into this region and the paths of their distribution.